

**Запись школы общины с Хулианом Карроном
Милан, 26 октября 2016 г.**

Текст: Х. Каррон. Форма свидетельства

- *Ser poeta*
- *Žemė miega*

Слава...

Всем добро пожаловать! В этом году к нашим встречам могут подключиться и те, кто живет за рубежом. Многие об этом просили, и мы, наконец, решили проблему с синхронным переводом: теперь он доступен на английском, испанском и португальском языках. Начнем наш путь, обратившись к сознанию, выраженному в двух песнях, которые мы услышали. «Быть поэтом... – это быть нищим» ощущать, как внутри тебя пламенеет звезда, жаждать и алкать бесконечного. Испытывать тоску по голубому небу, как во второй песне, где звезды словно говорят тебе, как брату: «Иди дальше». Невозможно не начать с этого сознания, особенно после паломничества, совершая которое, мы просили о приобщении милосердию, проявленному к нам, нищим и молящим о чем-то ином. Жизнь наша, полная мольбы, разворачивается, как говорилось в тексте «Форма свидетельства», в момент, который мы назвали, воспользовавшись выражением папы, переменной эпохи. Она коснулась всех нас. В одном письме, отправленном мне, говорится: «В “Первой странице” меня особенно поразил пункт, посвященный перемене эпохи. Я ясно ощущаю эту перемену, прежде всего в школе (я преподаю в профучилище). На днях я рассказывала о литературе XIII века и спросила у учеников, знают ли они, кто такой Франциск Ассизский. Половина класса ответила нет. Я, конечно, удивилась, но не сильно, поскольку замечаю, как часто говорю будто бы на другом языке, принадлежу какому-то бесконечно далекому менталитету, и что определенные ценности вовсе не являются само собой разумеющимися». Отсюда вопрос: какова наша задача в мире, что значит находиться перед подобным вызовом? Первым делом нужно понять, что происходит. По словам Зигмунта Баумана, «нельзя быстро сократить разрыв между реальностью, в которой мы живем, и нашей способностью понять ее» (*Alle radici dell'insicurezza. / Intervista a cura di D. Casati // Corriere della Sera. 26 luglio 2016. P. 7*). Стоит дать себе время, чтобы вникнуть в смысл утверждения этого пронизательного наблюдателя, поскольку понимание не наступает мгновенно. У многих возникает вопрос о том, что такое познание, как факты помогают нам начать познавать происходящее.

Я хотел бы задать тебе несколько вопросов, возникших как раз в период после дня начала года. Ты нередко рассказываешь и напоминаешь о фактах, об определенных фактах (таких как история женщин, больных СПИДом и встретившим Роуз, или заключенного, с милосердием смотрящего на своих надзирателей), и я вижу, что ты задействуешь динамику познания, резко отличающуюся от моей. Ты ощущаешь потребность возвращаться к фактам, и они явно составляют тебе компанию; ты бережно сохраняешь их, и они помогают открывать реальность не только в начале, когда случаются, а непрерывно. Я понимаю, что существует способ познания более глубокий, нежели мой, и я, безусловно, хочу научиться ему, я нуждаюсь в нем, чтобы не растратить жизнь попусту. Поэтому задам тебе два вопроса, которые для меня являются животрепещущими. Первый: что значит, что факты составляют тебе компанию? Или лучше: что значит познавать по-настоящему? Как не вырыть фактам могилу? Даже когда они кажутся мне положительными, обычно, после того, как я разложу их по полочкам и досконально проанализирую, для меня все заканчивается. Я переворачиваю страницу и перехожу к чему-то еще. Совсем другое дело, когда факты составляют тебе компанию, становятся настоящим отношением – осмелюсь сказать, отношением, связанным с призванием. Для меня познание – словно нечто одноразовое: я потребляю происходящее, хотя при этом мной и движет вся моя добрая воля христианина. Для тебя же познание – постоянная компания, друг, пребывая с которым, глубже проникаешь в смысл вещей и идешь вперед. Пример сказанного – предстоящий референдум. Я оказался вовлеченным в прекрасную и воодушевляющую работу, прежде всего благодаря друзьям, которые меня к ней приобщили. Со временем я заметил, что, чем больше прояснялись для меня поднимаемые референдумом вопросы, тем активнее я (не другие, а я) сводил все к некой позиции, которую нужно было занять. Почему так случается? В последнее время я все чаще задумываюсь над фразой Мунье: «Необходимо страдать, чтобы истина не выкристаллизовывалась в доктрину, а рождалась от плоти». Так вот, я хорошо понимаю две вещи. Вполне вероятно,

страдание есть в каком-то смысле и умерщвление (это слово имеет для меня положительное значение), связанное с осознанием ограниченности, помогающим обрести смирение. Смирение же позволяет тебе начать учиться. И второе: я понимаю дарованное нам исключительное милосердие, когда оно становится возможностью во всей нашей истинности соприкоснуться с людьми, по благодати способными прервать бесконечную зацикленность на самих себе, то есть замкнутость, не ведущую к познанию.

То, что ты осознал, связано с обстоятельствами, приведшими нас к этим эпохальным переменам. Мы много раз повторяли: деятели эпохи Просвещения полагали, будто уже достигли определенного способа познания, который позволял им освоить все значение реальности за счет одного лишь разума. Ни в чем другом они не нуждались. Папа Бенедикт говорит, что их взгляды оказались ошибочными. Твой рассказ это подтверждает: мы замечаем, что переживаем происходящие с нами факты определенным образом, не ведущим к познанию. Потому-то они и не составляют нам компанию. Мы перелистываем страницу, будто ничего и не случилось. Ты сказал: «Познание для меня – словно нечто одноразовое». А что говорит Джуссани? Что мы должны уловить в происходящем, чему должны научиться? Факт превращается в дорогу познания, если по-настоящему становится опытом. Джуссани, в отличие от деятелей Просвещения, утверждает, что путь к истине является опытом. Это путь фактов. *«Опыт заключается в том, чтобы жить тем, что позволяет мне расти. Следовательно, опыт ведет к росту личности, он всегда связан с осознанием собственного роста»* (Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 130). Осознать собственный рост – этими словами все сказано. Для опыта характерно понимание, открытие смысла фактов. Именно поэтому они способны составлять нам компанию. Если мы не усвоим это, факты окажутся бесполезными для жизни, для жизненного пути, история будет лишена содержания, а истина станет неочевидной, как говорилось в первом письме и в чем мы скоро еще раз убедимся. Попробуем теперь с этим открытым вопросом прислушаться к фактам и позволим опыту учить нас.

Привет!

Опыт тебя чему-нибудь научил?

Да.

Слава богу.

В начале прошлого года мы познакомились с первокурсницей, которая недолго участвовала в жизни Движения в старших классах школы и, поступив в университет, стала проводить время и посещать лекции вместе с нами. Через несколько месяцев мы пошли с ней выпить кофе, и она сказала мне: «Послушай, я не хочу тебя обидеть, но, если честно, вы мне кажетесь заблуждающимися фанатиками. Вы постоянно говорите о Боге, но я в Него не верю, поскольку если Бог существует, то Он – кукольник, дергающий за ниточки, и я предпочитаю жить без Него...»

Вот во что превращается христианство, если не мы не понимаем его познавательное и воспитательное значение, – в заблуждение!

Она была настроена решительно и убеждена в своей позиции. Я сделала несколько робких попыток поспорить с ней на уровне богословия, но почти сразу перестала и начала задавать ей вопросы о ней, о ее опыте...

Почему ты перестала?

Потому что понимала, что передо мной – стена. Не было никакой возможности говорить с ней...

Видите, как мы находим путь? Есть определенные способы, попытки, которые оказываются бесполезными. Сама реальность предоставляет нам возможность понять. И что было дальше?

Дальше я начала спрашивать о ней, стала ли она радостней с тех пор, как поступила в университет, помнит ли она дни, в которые была особенно довольной. На все мои вопросы она продолжала отвечать отрицательно, последовательно и с явным безразличием. Мне казалось, что между нами

нет ничего общего, что позволило бы вести диалог, каждый раз разговор заходил в тупик. Тогда я начала приглашать ее учиться на выходных со мной и моими друзьями и начала вовлекать ее в мою повседневную жизнь. И эта девушка всегда принимала приглашение. Так день за днем, месяц за месяцем, очень медленно она приобщалась к тому, чем мы живем, и в конце концов словно была покорена.

Почему она была покорена? Потому что факты ничего не значили? Потому что она перелистнула страницу, потому что факты не составили ей компанию? Или потому что она начала что-то понимать?

Она начала замечать, что жизнь, которой мы жили, была и для нее.

Она проделала путь, который позволил ей узнать что-то. И что же?

После некоторого сопротивления она решила приехать на студенческие каникулы. Сначала она отказывалась, поскольку ей не нравилось то, чем мы занимались. Но в конце концов приехала и осталась очень довольной. И я заметила, как в ней что-то поменялось, не только потому, что она согласилась: она еще и начала отдавать себе отчет в происходящем с ней, говорить, когда она была довольна и когда нет.

Она начала отдавать себе отчет в происходящем. То же касается и тебя: ты отдавала себе отчет в том, что происходило.

После студенческих каникул мы с подругами и этой девушкой поехали на море, и одной из нас она сказала: «Я довольна этими днями, потому что обычно на каникулах я через пару дней устаю от людей, с которыми отдыхаю, но от вас я не устаю». В отношении с ней я осознала, что диалектика, попытки спорить не вели ни к чему, и более того, единственная возможность показать ей то, что я встретила, – вовлечь ее в жизнь, которая покорила меня. Сейчас все еще находится в развитии. Мы больше не говорили о Боге, и я не знаю, сможет ли она теперь сказать, что Он не кукольник, но я уверена, я вижу, что она больше не считает нас заблуждающимися людьми, поскольку она с тех пор не оставляла нас.

Меня поражает, как часто студенты осознают: другие не видят того, что видят они. Так постепенно им становится очевидна бессмысленность диалектики. Споры не помогают объяснить людям то, чего те не понимают, не позволяют им познавать. Студенты начинают замечать бесполезность определенных действий и потому не пользуются методами, которые уже явным образом доказали свою несостоятельность. «Я осознала, отдала себе отчет» – вот в чем суть вопроса! «Я отдала себе отчет в том, что диалектика ни к чему не ведет и что единственная доступная мне возможность заключается в том, чтобы показать ей, с чем я сама встретилась, и вовлечь ее в жизнь, покорившую меня». Как это понимать? Мы должны осознать, что это значит, чтобы ответить на вызов эпохальных перемен. По мнению рационалистов, исторический факт не может вести к познанию истины, мы же начинаем видеть, что только благодаря историческому факту, только благодаря вовлечению в жизнь человек способен признать вещи, которые раньше не признавал. Откуда рождается подобный взгляд?

Расскажу одну простую историю, случившуюся со мной несколько дней назад. Утром я вышел из дома, было дождливо. В одном из ближайших переулков я встретил бездомную женщину, которая на протяжении многих лет сидит в том месте. Она прижалась к стене и просила милостыню. Я приблизился, дал ей мелочь и пошел дальше. И отдаваясь, услышал у себя за спиной женский голос, громкий, пронзительный: «Эй, хорошо устроилась! Если каждый прохожий дает тебе евро, посижу-ка я вместо тебя!» Я тут же обернулся и увидел пожилую, очень пожилую женщину, смеявшуюся над бездомной. Я ощутил прилив почти праведного гнева и решил: пойду туда, достану из кармана два евро, всучу их в руку той женщине и скажу ей: «Вот теперь, синьора, садитесь-ка тут и сидите весь день, а вечером, когда я буду возвращаться домой, посмотрим на вас». Я уже направился к ним, чтобы устроить сцену, но, сделав шаг, почувствовал, как что-то вдруг пробило стену гнева, охватившего меня. Меня охватила настоящая взволнованность, я смотрел на женщину и спрашивал себя: «Она, такая пожилая, столько прожившая и повидавшая, что она встретила? Какой опыт прожила? Что она должна была встретить, чтобы ее сердце стало таким суровым и озлобленным?» И вдруг меня осенило: а я, Кого я встретил?! Эта мысль уничтожила все гневные чувства, и я испытал огромную нежность и взволнованность. Я смотрел на двух женщин, но, признаюсь,

испытывал нежность и взволнованность прежде всего по отношению к самому себе, потому что Другой пришел спасти меня. Не знаю, возможно, это отчасти связано с тем, о чем ты говорил на упражнениях и потом повторял, о заключенном, который входит в тюрьму, где двое надзирателей начинают его унижать, а он смотрит на них с милосердием. Думаю, это тот же самый опыт. Это было мое счастливое потрясение, и я ощутил легкость и подлинное счастье. Я сказал женщинам: «Здравствуйте, хорошего дня!» – и ушел довольным.

Тебя охватило странное чувство нежности... Это лишь что-то сентиментальное? Или же это суждение, подлинное познание, причина которого в том, что ты заметил, как был спасен? Взгляд на самого себя взволновал тебя, и потому ты смог посмотреть на женщину и спросить: кто знает, что она встретила в жизни или чего не встретила, отчего у нее такое суровое сердце. Знать самих себя и знать других благодаря тому, что замечаем, как наша принадлежность, то, чем мы живем, лежит в основании нашего самовыражения. Не нужно громких слов или грандиозных намерений, достаточно лишь отдать себе отчет в истоке, позволяющем мне испытать взволнованность перед Другим, пришедшим спасти меня. И это не значит просто свести все к сентиментальным переживаниям, потому что такое сознание настолько формирует мое «я», что я не могу не признавать Христа – даже в том, как я смотрю на других людей. Кто знает, что они встретили или не встретили, как эта пожилая женщина! Поняли мы что-то или нет, составляют ли нам факты компанию, видно из того, насколько по-новому я вдруг начинаю относиться к жизненным ситуациям, к вызовам реальности, ко всему, с чем сталкиваюсь.

Несколько дней назад на уроке одна ученица предложила вернуться к теме сократова диалога. Она сказала: «Мне это интересно, поскольку я хочу понять, как связан диалог, о котором говорит Сократ, с жизнью, с жизненными вопросами». Ее вопрос меня поразило, пробудил во мне любопытство, и я спросил у ребят, что они думали по этому поводу. Развернулся этаким идейный пинг-понг, которого я никак не ждал (это не самый активный класс, и мои коллеги обычно жалуется, что дети никогда не говорят, и вдруг – такое обсуждение!) Я думал, что они действительно заинтересовались, поскольку каждый высказывал свое мнение. В один прекрасный момент кто-то, указывая на одноклассника, полушепотом сказал: «А мне все-таки хотелось бы услышать мнение Паоло». Благодаря этой фразе, сказанной несерьезно, я понял, что воодушевился чем-то, что не являлось диалогом и было лишь дискуссией. Каждый высказывал свои идеи, но в результате мы ни к чему не шли. Тогда я остановил их и спросил: «По-вашему, мы ведем настоящий диалог или же каждый просто высказывает свое мнение?» Ученики были несколько удивлены и ответили: «Ну как же, с вами можно вести диалог». Вдруг один из них возразил: «Нет, нет, мы просто спорим! Каждый высказывает собственную идею, но совершенно не прислушивается к словам других. Нам не интересно, что говорят другие, нам важно только утверждать наше мнение, ведь, как считается, у каждого своя правда». Его замечание стало потрясением прежде всего для меня, поскольку, по сути, в первой половине урока я, помня о том, что нужно побудить класс к обсуждению, способствовал дискуссии. Слава богу, один из учеников запустил своего рода сигнализацию, и я осознал, что человеческое сердце желает чего-то большего. В конце концов мы не отвечали на вопрос, поднятый в начале урока, каждый просто высказывал собственное мнение. Я поблагодарил класс за сделанное наблюдение и признался: «Знаете, впервые за последние годы я с такой ясностью осознал, что существует нечто большее, нежели сократов диалог [сократов диалог как раз и заключается в высказывании идей]. Я никогда так ясно не сознавал этого, как вы теперь». После чего во второй половине урока случилось нечто совсем другое. Если раньше все старались высказать свои идеи, а до остальных им не было дела, то сейчас ребята начали смотреть друг другу в лицо и вести диалог: не высказывать мнение, а вести диалог. Меня поразило, что хватило одного наблюдения, в некотором смысле даже банального, чтобы я ощутил ответную реакцию сердца и понял: эти ребята хотят чего-то большего, эпохальные перемены заключаются в потребности в чем-то большем, а я умалял диалог до дискуссии, до высказывания идей, которое не ведет ни к познанию самого себя, ни к познанию другого. Как говорит отец Джуссани, упор нужно делать не на идеи, а на личность, а я сделал упор не на личность, а на идеи. Когда закончился урок, я, с одной стороны, был доволен, поскольку случился незначительный факт, изменивший меня. С другой стороны, однако, я на протяжении получаса настаивал на дискуссии. И тут я осознал, как абстрактна моя работа над школой общины. Я спросил себя: как же так, я читаю, что говорит о диалоге отец Джуссани, читаю, что диалог – это жизнь, я даже участвовал когда-то в «лучах», встречах, на которых мы делились опытом, и, если бы не мой ученик, я и не заметил бы, что передо мной разворачивалась дискуссия. Потребовалось стороннее наблюдение, чтобы все изменилось. И я сказал себе: «Слава богу, так как оно позволило мне вернуться к тому, что уже было в моем опыте, в моем сердце». Этот опыт меня глубоко поразило.

Ты и не заметил... А когда заметил, осознал, что такое в действительности диалог, что диалог не сможет никого по-настоящему заинтересовать, если его участникам не интересно, о чем говорит другой, если им не интересно встретиться с другим. Посмотрим, как обстоят дела на нашем с вами пути и спросим себя: на этой неделе мы участвовали в диалогах или в дискуссиях? О референдуме мы вели диалог или дискуссию? Как мы пели в начале сегодняшней встречи, человек призван быть поэтом, призван жаждать и алкать бесконечного и потому неизбежно преодолевает пределы дискуссии («иди дальше» – говорилось в песне). Хотим ли мы по-настоящему понять, о чем говорим? Диалог может возникнуть самым неожиданным образом, как пишет мне одна женщина, живущая в Китае, которая, естественно, не смогла приехать и выступить сегодня. В один прекрасный день консьерж дома, где они живут с мужем, говорит им: «Между вами – по-настоящему большая любовь. Я вижу много супружеских пар, но таких, как вы, не встречал. Ваша любовь действительно нечто великое, и я желаю, чтобы вы всю жизнь могли жить этой любовью». Тогда эта женщина спросила, как он может такое утверждать. «Он владеет только китайским и не понимает, что мы говорим друг другу. Он видит нас, только когда мы проходим мимо него по утрам, идя на работу, когда возвращаемся, порой неся сумки с покупками, когда выходим по любым другим делам. Он никогда не проводил время с нами, мы ничего ему о себе не рассказывали. И он ответил: “Я не понимаю слова, которые вы говорите, но вижу. С самого начала я видел, как вы говорите друг с другом, слышал тон голоса, понимал, что вы вместе не из-за денег”. Мы ни слова не сказали тому консьержу о наших отношениях, а он видит, он замечает [удивительно, насколько истинно это слово: «замечать». Именно его Джуссани использует, когда описывает опыт]. Консьерж замечает, что наш брак не похож на брак многих других людей. И меня поразило, что можно свидетельствовать, не произнося ни слова». Вот настоящий диалог, сообщение самих себя другим, и неважно, что человек не знает языка.

Я начала читать твое обращение во время паломничества в Караваджо и «Первую страницу» и неожиданно нашла в них глубокое соответствие тому, что переживаю в настоящий момент. Неожиданно, поскольку я с удивлением заметила, как сравниваю события моей жизни с содержанием твоих слов, без каких-либо усилий с моей стороны, без мыслей вроде: «Это я уже знаю». И когда так происходит, это действительно прекрасно. Коротко расскажу о двух простых фактах, которые случились со мной в этом месяце. Я медсестра и после перерыва примерно в один год вернулась к работе. Меня направили в отделение, в котором я меньше всего хотела оказаться. В первые дни я была по-настоящему грустной, реальность казалась мне враждебной. В каком-то смысле обстоятельства мешали мне идти вперед. Однажды я поговорила об этом с одной близкой подругой. Я поделилась с ней некоторыми прекрасными фактами, но последнее слово все равно оставалось за трудностями. Она выслушала меня и спросила: «Так что же позволяет тебе жить? Отношение с Иисусом действительно тебя спасает, даже когда кажется, будто все против тебя?» Я осталась поражена, поскольку по сути искала отговорки, чтобы не отвечать на эти вопросы. С того момента все перевернулось. Реальность была точно такой же, со всеми ее трудностями, но я начала смотреть на нее иначе. В тексте «Первой страницы» ты говоришь, что способность встречать другого возникает от экзистенциальной уверенности, порождаемой верой. И это действительно так. В отделении есть одна медсестра, с которой у меня завязались теплые и полные свободы отношения. Она даже захотела поделиться со мной болью, которую сейчас переживает. Просто поразительно: смысл не в том, насколько я способна на уровне диалектики показать моей коллеге, что жить можно даже в сложных обстоятельствах. То, что позволило мне войти с ней в отношения, это мое собственное отношение с Иисусом в моей собственной жизни и, следовательно, в работе – когда я мыла вместе с ней пациентов или приводила в порядок истории болезни, когда просила каждое утро, чтобы Он сделал меня Своей. Другой простой факт случился со мной однажды утром. Мне нужно было помыть примерно двадцать больных, и я очень беспокоилась, как все успеть. Вдруг я встретила одну женщину, которая попросила сопроводить ее в ванную комнату. Коллеги мне сказали, что ее достаточно только отвести, а дальше она в состоянии справиться самостоятельно. Пока мы шли, она сказала, что не обойдется без помощи. Я привела ее в ванную, и беспокоясь в тот момент лишь о том, что опаздывала с остальной работой, начала ее мыть. Когда я помогала ей раздеться, она сказала: «Как же плохо зависеть от всех и вся...» Тут я словно очнулась и посмотрела на нее, и мне в голову пришло множество вещей, которые я могла бы сказать ей о том, что я встретила в жизни и что каждый день помогает мне дышать. Потом я вспомнила, о чем ты говорил в «Первой странице»: подлинный диалог заключается в том, чтобы показать другому опыт, которым мы живем. Тогда я сказала себе: «Больше истины в том, чтобы предстать перед этой женщиной здесь и сейчас и отвечать на данное мне обстоятельство: мыть ее так, как мне бы хотелось, чтобы мыли

меня». Мы провели вместе много времени в почти семейной обстановке. В конце она посмотрела на меня и сказала: «После этого купания я чувствую себя новым человеком». Меня это по-настоящему растрогало, поскольку и я после той встречи ощущала себя словно заново родившейся, оттого только, что перед лицом ее нужды я увидела, что являюсь такой же нищей и нуждающейся во всем, как она, мне тоже необходимо зависеть от Того Единственного, Кто творит меня в каждое мгновение (а если это не так, все меня раздражает, все давит на меня).

Какое значение имеет все это для общения с другим в момент перемены эпохи, когда люди разучились видеть? Ты тоже вначале ничего не видела, реальность казалась тебе враждебной. Что позволило тебе проделать путь и начать по-другому смотреть на все и сделать то, что ты сделала?

Я начала задавать себе вопросы и поняла, что то, от чего я пыталась убежать, на самом деле позволяло мне жить.

Первое: мы не можем убедить с помощью разъяснений – они не убеждают даже нас самих. Я могу иметь в своем распоряжении любые разъяснения и тем не менее воспринимать реальность как нечто враждебное. Как сказала твоя подруга, реальность – возможность проверить, действительно ли отношение с Иисусом спасает тебя. Без подобной проверки ты оказалась бы не в состоянии сделать то, что сделала. Необходима экзистенциальная уверенность, которую ты приобрела, когда попыталась жить, следуя совету твоей подруги, и которая позволила тебе войти в отношение с коллегой не с точки зрения диалектики, а благодаря тому, что ты начала жить твоим отношением с Иисусом – в жизни и, следовательно, в работе. Мы можем помочь другим войти в реальность, так что они смогут ощутить себя новыми людьми, позволить им испытать новизну, только через историю, через личный опыт, который мы сообщаем. Так люди начинают видеть то, чего не видели раньше.

В ходе работы, проделанной в последнее время, у меня возник вопрос, который кажется мне существенным. Он состоит в следующем: какова форма моей принадлежности? Благодаря какому образу действий я по-настоящему переживаю опыт принадлежности? Мне в голову пришло множество ответов, вполне разумных и, вероятно, приемлемых: длинная история, которой я принадлежу, и принадлежу с радостью, традиция, которую я люблю и которую уважаю, правило, в рамках которого я живу, в конце концов делящаяся во времени верность нашей компании. Однако, задав себе этот вопрос, я понял, что перечисленных ответов недостаточно, поскольку, думаю, есть только один способ, благодаря которому моя принадлежность является истинной, настоящей, плодотворной. И это «да» Петра. Не история, которой я принадлежу, не правило, которому я послушен, не традиция, которой придерживаюсь, не друзья, с которыми не расстаюсь, а «да» Петра. Именно оно, как я понял, является подлинным действием, свидетельствующим о принадлежности. Все остальное – лишь следствия. В противном случае и история, и традиция, и правило, и компания, как нам ясно сказал отец Джуссани и о чем почти теми же самыми словами говорит папа, окаменевают, обращаются в камень, и не приносят уже ни цветов, ни плодов ни для меня, ни для общества. И второе, очень короткое замечание. Из чего видно, что именно это способ моей принадлежности? Другая мысль Джуссани, которую ты привел в тексте «Первой страницы», подсказала мне критерий. Я понял смысл утверждения о том, что наше культурное самовыражение показывает, выявляет нашу принадлежность. И я спросил себя: «В чем для меня для нас самое очевидное, самое грандиозное культурное проявление принадлежности? В нашем единстве. В нашей компании. Но как я нахожусь в этой компании? Созидаю ли я ее? Выражаю ли я себя в этой компании?» Мне кажется, я понял, что единственный способ, позволяющий мне достигать этого невозможного единства, о котором нам всегда говорил отец Джуссани, заключается в том, чтобы говорить да Христу, присутствующему здесь и сейчас определенным образом. Любой другой способ частичен. И в конце концов, неплодотворен.

Объясни мне, что значит «да» Петра, это действие принадлежности, почему оно представляется тебе столь решающим в ответе на перемену эпохи. Как оно позволяет исчерпывающим образом ответить на вызовы, стоящие перед нами?

Думаю, оно является единственным источником новизны, единственной возможностью новизны, которая мне дана не обстоятельствами, а в рамках обстоятельств, хотя они и претерпели радикальные изменения. Как я могу быть новым в новой ситуации? Если говорю да Христу, тому, как Он присутствует в моей жизни сегодня. И это позволяет мне понять, какие шаги предпринять, какие

действия совершить, какую работу продолжать делать и так далее. Мне кажется, источник новизны в этом, и нет другого. Все остальное может сделать тебя активным, щедрым, присутствующим в обществе и в культуре, в науке и так далее. Но откуда берется новизна? От «да», сказанного сегодня присутствию. Так я думаю.

Все это нужно понять. Оставляю открытым вопрос, потому что в твоём выступлении содержится ответ на эпохальные перемены, которые мы переживаем. Как я говорил в начале, порой исторический факт оторван от познания истины, не ведет к нему. Во всех наших свидетельствах мы видели, что, лишь замечая происходящее, мы в состоянии пребывать в реальности по-новому. Ты сейчас добавил «да» Петра. Если мы перечитаем слова Джуссани о «да» Петра, то увидим, почему христианство способно дать сообразный ответ на культурные вызовы настоящего. «Частный случай... – краеугольный камень христианского представления о человеке, о его моральных принципах в отношениях с Богом, с жизнью, с миром», то есть с реальностью и историей (L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Rizzoli, 1998. P. 82). Каждый из нас на опыте убеждается: когда мы впускаем Христа в нашу личную историю, в лоно христианской общины, начинает происходить что-то, позволяющее нам переживать такой тип опыта, который отвечает на эпохальные вызовы повседневности (зовем ли мы других людей учиться с нами, заботимся ли о больных, беседуем ли с учениками, встречаем ли бездомных). И другие люди начинают видеть то, чего раньше не видели. Именно так и началось христианство. Так оно и продолжится: не в отрыве личной истории от истины. Если бы наша подруга не согласилась бы взглянуть на казавшуюся ей враждебной реальность с мыслью о Христе, она не смогла бы отнестись с такой простотой к пациентке. Все это нам еще предстоит понять. Потому что, как мы видим, когда начинаем это понимать, все оказывается предельно просто, как в самом начале: Иисус пришел и создал христианство. Оно начало происходить, и другие начали видеть то, чего раньше не видели. И это проявляется в нашем самовыражении, поскольку мы пребываем в реальности с новым сознанием, заметив то, что уже есть в нашей крови, пусть мы и не всегда об этом помним. Мы начинаем понимать, что нужна не диалектика, не споры, не пространственные рассуждения, а вовлечение в жизнь, ведь и Христос вовлек нас в Свой опыт, в новую жизнь, позволившую нам признать истину. Лишь так мы можем все лучше понимать, какая форма свидетельства помогает сообщать не что-то сентиментальное, а истину, новое понимание реальности, новое понимание вещей. Так мы будем в состоянии внести весомый вклад в жизнь тех, с кем мы встречаемся, в какой бы ситуации они ни находились. И тогда история не лишится своего содержания, а мы проделаем путь познания, будем все больше познавать, и факты составят нам компанию – мы это видим по тому, каким образом входим в реальность и предстоим перед всеми с экзистенциальной уверенностью. И мы сами изумляемся и приходим в волнение перед тем, что Тайна творит сейчас, не в прошлом, а сейчас. И тогда на вопрос: «Любишь ли ты Меня?» – мы отвечаем да, и это «да» не относится лишь области твоих глубоко личных переживаний, оно охватывает всю жизнь и выражается во всем, что мы делаем. Если мы не отрываемся от него, то сможем внести в реальность новизну и позволить другим понять то, чего они не понимают. Мы были избраны, чтобы другие в один прекрасный момент смогли увидеть, приобщившись жизни такой компании, как наша, вовлекаясь в ее жизнь. Мы же в свою очередь обогащаемся благодаря другим, благодаря тому, что они нам предлагают, ведь порой открытия мы совершаем с их помощью.

С этого года видеотрансляции школы общины доступны также и тем, кто живет за границей. В ходе обсуждения этого вопроса, мы особенно подчеркивали, насколько важно, чтобы каждый чувствовал себя главным героем происходящего. Можно быть главным героем здесь, также, как и в маленькой группе, а можно быть пассивным наблюдателем. Не форма делает нас героями или наблюдателями, а то, как мы живем. Все мы призваны быть главными героями, а не только лишь зрителями, вот почему даже из-за рубежа вы можете присылать ваши вопросы и свидетельства, обогащая тем самым жизнь всего Движения. Как я уже говорил, участие в школе общины свободно для всех желающих, и поэтому мы попросили ответственных дать возможность подключения, тем, кто об этом попросит. Однако важно, чтобы это событие переживалось на уровне общины, как это происходит здесь. Вот почему отдельным людям доступ к трансляции предоставляться не будет. Текст школы общины публикуется также и на сайте. Краткие свидетельства отправляйте по адресу sdccarron@comunioneliberazione.org. Прошу вас использовать его исключительно для писем, касающихся школы общины. Письма из других стран необходимо посылать до вечера пятницы, предшествующей встрече; срок для итальянцев – вечер воскресенья. Так у меня будет время, чтобы прочитать их и, если нужно, отдать на перевод. Прошу вас также указывать ваш номер телефона, по которому с вами можно связаться и попросить выступить лично. Хотел бы пояснить, почему мы выбираем определенные письма. Некоторые люди говорят: «Все

специально подготовлено!» Это не так! Среди множества свидетельств, поступающих нам, мы видим те, которые рассказывают о чем-то крайне важном, что совершает Тайна и что является богатством для всех. При проведении школы общины мы – я прежде всего – желаем ради общего блага следовать за тем, что совершает Тайна. Каждый из вас найдет другие моменты в жизни Движения и школы общины, когда можно выступить. От нас требуется послушание тому, что совершает Тайна. Все мы идем по одному пути, и порой Тайна позволяет расцвести тому или иному человеку, дает ему пережить опыт, представляющий собой богатство для всех. Вот почему мы начинаем именно с таких писем. Точка.

Следующая школа общины состоится в среду, 23 ноября. Будем читать вторую часть «Первой страницы», с шестого по девятый пункт.

Veni Sancte Spiritus